**ПРОБЛЕМНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАУКИ
В КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ
(И. КАНТ, Г-В-Ф ГЕГЕЛЬ)**

The article deals with the problems of historical analysis of the controversial nature of scientific knowledge dynamics.

Given article is dedicated to such type of the waiver of criminal responsibility and punishments as amnesty and pardon. In article are analysed legal signs to amnesties and pardons, their fastening in legislation of the Republic Belarus, is conducted benchmark analysis notion. They Are Considered also separate aspects of the using to amnesties and pardons, including criminal-legal consequences of the using, as well as separate history stages of the development. Article are generalised different opinions on questions of the using of such forms of the waiver of criminal responsibility and punishments.

Истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде ... и в таком же виде спрятана в карман.

Г-В-Ф Гегель

Наука XVI-XVIII вв. приобретает форму экспериментально-математического естествознания и становится важным компонентом производительных сил. Возрос ее социальный статус. Процесс возрастания значимости науки в обществе породил интерес к исследованиям рефлексивного характера, осмысления и осознания собственных форм предпосылок и методов научного познания. Истинность, общность и необходимость научного знания, его проблемность привлекали внимание И. Канта.

И. Кант пришел к мысли о том, что традиционная логика не различает рассудок и разум, поскольку она имеет дело с готовыми знаниями и логическими выводами из них, но природу нового знания раскрыть не может. Не может она ответить на вопрос о том, насколько возможно новое знание и будет ли это знание истинным [1].

Понятие диалектики в связи с противоречиями, с которыми столкнулся И. Кант, получило смысл, которого оно не имело даже у Н. Кузанского (единство истины и заблуждения в его концепции научного знания).

Для Канта вопрос, «что такое истина?» выступает в новом значении. Его не устраивает традиционное толкование истины, согласно которому она есть «совпадение», соответствие знания о предмете с предметом знания. И. Кант задается вопросом о всеобщем и верном критерии всякого знания (там же, с. 159).

С позиции формальной логики этот вопрос бессмыслен, ибо здесь может идти речь только о логической правильности внутри наличного знания, тогда как отношение между логическими формами и наличным бытием остается вне поля зрения концептуальной истины.

В связи с этим, Канта интересует проблема смыслового значения научного вопроса об истинности знания. Истинность знания определяется осмысленностью вопроса. «Если вопрос сам по себе бессмыслен, он требует беспотопных ответов, — замечает И. Кант, — то кроме стыда для вопрошающего он имеет еще и тот недостаток, что побуждает к нелепым ответам и создает смешное зрелище: один (по выражению древних) доит козла, а другой держит под ним решето» [2].

Критический период философии Канта имеет целью оградить науку от рационалистического догматизма Х. Вольфа и от полного неверия в ее возможности (агностицизма) Д. Юма.

Кант заметил противоречие становления научного знания: в опыте человек имеет дело с единичными явлениями, а в математике и в теоретическом знании суждения имеют характер всеобщности и необходимости. Откуда они? Их нельзя вывести из опыта, значит, они изначально доопытны?! Т. е. их природа доопытна (априори) и присуща нашему сознанию.

Сознание же Кант разделяет на сферу чувств, на сферу рассудка и сферу разума. Для сферы чувств упорядочивающие априорные формы суть пространство и время, для рассудочной сферы присуща система априорных категорий: причина, следствие, необходимость и т.д. Что же касается третьей сферы — сферы разума, то разум, исследующий философские проблемы высшего порядка и стремящийся выяснить сущность мира, души, Бога, сталкивается с неразрешимыми противоречиями — «антиномиями чистого разума», говорящими о том, что сущность мира непостижима, ибо ее скрывают явления. Так родились в философии Канта априоризм и агностицизм.

А как же возможны наука и научная истина?! Для Канта возможность постижения истины научного знания есть не что иное, как ответ на вопрос «как возможно синтетическое суждение?», полноценное знание, обладающее несомненной очевидностью, всеобщностью

и необходимостью, а также творческой способностью расширить самое себя.

Основой теоретического знания, творческого характера его постижения и природы нового знания является узаконенное Кантом противоречие между утверждением многообразия и противоречивости чувственных данных, с одной стороны, и способностью рассудка охватить это многообразие, с другой стороны.

Кант доверяет и чувству, и рассудку, но этот скачок от единичности к всеобщности и необходимости он разрешает синтетическим суждением априори. Невозможно согласиться с тем, будто синтетическое априорное знание (суждение) есть следствие гносеологического дуализма Канта. Основной смысл – признание Кантом противоречия как основы теоретического (научного) знания.

Отсюда Кант приходит к утверждению о границах человеческого «чистого» разума постичь сущность мира и его «вещей в себе».

В философии Канта наука есть единственное, в чем воплощается, реализуется мышление. Всеобщность и необходимость синтетического суждения обеспечиваются априорными формами рассудка, а материя придает ему творческий, синтетический характер. Противоречие уже не есть синоним субъективности как интеллектуальной интуиции Декарта или в агностицизме Юма, а есть необходимое условие творческого познания. Без раскрытия Кантом диалектического противоречия немыслимо было бы синтетическое суждение *argūti*. В этом великая заслуга Канта, который как бы подготовил философскую опору диалектике познания Гегеля.

Кант разделяет познавательные функции чувственности и рассудка. «Независимо от чувственности, – пишет он, – мы не можем иметь никаких созерцаний, рассудок не есть созерцание». Следовательно, рассудок есть мышление, а творчество есть деятельность рассудка, т. е. деятельность мышления и есть творчество.

Деятельность же рассудка есть его способность составлять синтетические суждения. Рассудок и есть способность мыслить. При этом он может быть дискурсивным познанием через понятия. Все функции рассудка можно найти, если показать функции единства в суждениях [4].

Но именно здесь же зарождается противоречие, присущее самой философско-гносеологической позиции Канта, а не процессу постижения (приращения) знания. Чувственные данные не могут дать всеобщности знания, а значит и его необходимости. Рассудок же направляет свои априорные (доопытные) формы не на упорядочивание вещей, а лишь на упорядочивание чувственных представлений о вещах, значит и закономерности, добытые

рассудком синтетическими суждениями, общаются не самим вещам, а нашему опыту, совокупности наших ощущений, представлений и т. д.

Таким образом, априоризм Канта не может покинуть позицию «гносеологической робинзонады», субъективизма и психологизма в теории познаний, несмотря на его заявление о всеобщности априорных форм чувственности и рассудка. А это и означает наличие нерасторжимой параллели априоризма, субъективизма и агностицизма в теории познания Канта, а связь их очевидна.

Всеобщность и необходимость рассудочного синтеза, выступающие в форме априорности, являются законодателями не природы, вещей, явлений, процессов, а наших представлений о них, т. е. знания, которые несет нам рассудочное (синтетическое) суждение, не может гарантировать им (знаниям) какого бы то ни было предметного значения.

Априорное рассудочное знание, если даже предположить, что оно обеспечивается объективностью, при этом лишается предметности. Если объективность априорна, то эта априорность тождественна «априорности» аксиом Эвклида.

Уже здесь заложены антиномии – проблемы разума. Кант, в силу определенных причин, не разрешил противоречий познания, вскрытых и узаконены и самим, априорными синтетическими суждениями, а только их снял с тем, чтобы они обнаружились вновь в деятельности теоретического разума как антиномии – проблемы. Они (антиномии) неразрешимы для Канта. Он закрыл дорогу деятельности разума для утверждения веры.

Гегель обосновал разрешимость антиномий, но об этом ниже.

В синтетических суждениях вуалируется противоречивость как процесса познания, так и его предмета (объекта). Но в теоретических конструкциях она «всплывает» с большей силой, так как большей всеобщностью обладает теория, но не суждение.

Противоречивость мира и его познания как бы ретранслируется от способов и приемов познания, минуя синтетические суждения к объяснительным теориям.

Хотя Кант и выдвигает противоречие как основу творческого мышления и как источник проблемы и проблемного знания, но им упущен реальный источник всеобщности и необходимости научного знания, которым является практика, как исторически обусловленная, чувственная, предметная деятельность социума – реальная основа познания как формы деятельности. «Деятельная сторона, – писал К. Маркс по этому поводу, – в противоположности материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так идеализм,

конечно, не знает действительной чувственной деятельности как таковой» [5].

Учение о трансцендентальном единстве апперцепций, согласно которому изначально существующее самосознание «я мыслю» объединяет, делает единым все наши представления, порождает априоризм как психическую субъективную деятельность, хотя в мистифицированной форме; здесь содержится признание первичности общественного сознания над индивидуальным.

Априоризм, как своеобразная форма идеализма, находит выход из вышеуказанного противоречия (субъект диктует природе свои законы, но он не полномочен предписывать законы миру вещей) в дуализме «вещей в себе» и «вещей для нас». Иного выхода Кант не видел.

Антиномии – проблемы, унаследованные разумом от рассудка, с одной стороны, являются следствием априоризма, с другой – аргументацией, которую применяет Кант для утверждения синтетического суждения.

Кант не мог и мысли допустить о том, что мир есть абсолютная субъективность, наоборот, утверждение ею противоречия мышления нужно рассматривать как стремление избавиться от субъективистского произвола. Но, с другой стороны, природа антиномичности теоретического знания о сущности вещей также не является результатом неряшливости и нарушения элементарной логики мышления, что само по себе было бы большой заслугой Канта (выявление принципиальной неустранимости противоречий теоретического разума). Однако же, как выйти из указанного противоречия? Нужно определить границы разума, сферу его действия!

Кант ограничивает сферу значимости категорий, так как «категории должны быть ограничены областью явлений, как своим предметом, потому что без этого условия они теряют всякое значение, т. е. отпадает отношение к объекту, так что нельзя никаким примером уяснить ... себе какая, собственно, вещь мыслится под таким понятием» [6].

Итак, Кант, оставшись на позиции априоризма и трансцендентального психологизма в гносеологии, был вынужден через априоризм прибегнуть к отрицанию способности человеческого разума постигнуть «вещи в себе», а это означает, что признание Кантом объективности противоречия познания и мира явлений для борьбы со скептицизмом, сомнениями и интеллектуальной интуицией привели его к отрицанию познания сущности вещей. Результатом такой гносеологической позиции стали его знаменитые антиномии [7].

Кант в своих антиномиях вскрыл противоречивую природу всего существующего и сущего, но в силу неприятия противоречия в зна-

ниях с позиций формальной логики (что ранее и сам отрицал) и непоследовательности диалектической логики, пришел к выводу о неразрешимости данных противоречий – проблем, сославшись на ограниченность способностей человеческого разума. Эти антиномии выданы Кантом как невозможность человеческого разума проникнуть в сущность мира, в сущность вещей.

Гегель высоко оценил кантовскую диалектику действительности протестуя в то же время против выводов «критической философии» о возможностях человеческого разума. «Истинное положительное значение антиномий, – пишет Гегель в «Малой логике», – заключается вообще в том, что все действительное содержит внутри себя противоположные определения и что, следовательно, познание, точнее, постижение предмета в понятиях означает именно лишь осознание его как конкретного единства противоположных определений [8]. Таким образом, легко снимается проблема – антиномия Канта, приведшая его к агностицизму, борьбе с которым он положил столько сил.

Гегель не может не согласиться с тем, что Кант допускает единство противоположных суждений о действительном мире и мире вещей, но не может согласиться с тем, что нельзя допустить противоречивость объясняющего теоретического мышления.

По Гегелю, если не допускать противоречивости исходных суждений друг с другом, то значит зачеркнуть диалектику как таковую, но обнаружение Кантом и утверждение противоречий действительности им отмечено как великое достижение философской мысли.

И как бы упреждая возможное извращение того, что достигнуто Кантом, Гегель пишет: «В настоящее время мы вышли за пределы кантовской философии, и каждый утверждает, что он пошел дальше ее. Но можно двояким образом пойти дальше: можно пойти дальше вперед и дальше назад. Многие наши философские стремления ... оказываются ни чем иным, как методом прежней метафизики, некритическим и безотчетным мышлением.⁹⁾ Как же эти слова – сомнения относятся и к самому Гегелю! Что-то известное о гегелевской философии (зачастую с чужих слов) мы выдаем это за ее знание.

Дальнейшее развитие западной философии показало, что Гегель был прав не только по отношению к своим современникам, но еще больше к поздним и критикам, и адептам философии Канта.

Позитивизм выдвигал и обосновывал свои принципы опираясь как на величие и еще больше упущения философии И. Канта. Эта же участь постигла философию и самого Гегеля. Сколько же критиков появилось после этих корифеев философской мысли!

Возвратимся к Канту. Именно антиномии Канта позволили позитивизму объявить философские проблемы неразрешимыми, а значит – псевдопроблемами.

Но ведь Кант пришел к вопросу об объективной природе философских проблем, которая обусловлена противоречиями действительного мира, а позитивисты объявили эти проблемы полностью субъективными, назвав их «псевдопроблемами». Такие выводы не присущи для кантовской философии. Тем не менее позитивизм ссылается на Канта в стремлении обосновать свою «идею» о бессмысленности философских проблем. История философии и науки распорядилась иначе: проблематика философии Канта жива и побуждает человеческую мысль к действию, тогда как претензии позитивизма по отношению к философским проблемам отвергнуты временем.

Гегель в дальнейшем показал, что антиномии, которые сформулировал Кант при решении философских проблем, являются неразрешимыми противоречиями не из-за слабости человеческого разума, а потому, что они и являются источником движения и деятельности мысли. По Гегелю, Кант не мог разрешить их в силу недостатков (скорее самоограничения) своего метода. По меткому выражению Гегеля,

Кант хотел научиться плавать не залезая в воду, когда анализировал возможности субъекта познания вне процесса самой познавательной деятельности, т. е. Кант, по мнению Гегеля,

формировал метод познания вне самого познания [10]. Гегель согласен с тем, что формы мышления должны быть подвергнуты исследованию, но само это исследование уже есть познание, в котором соединяется деятельность форм мышления и их критика.

Когда же формы мышления исследуют самих себя, определяют свои границы и вскрывают свои недостатки, то это есть диалектика, присущая самим этим формам мышления. Гегель не отрицает, а утверждает особую диалектику форм мысли. Тогда, – пишет Гегель, – это будет та деятельность мышления, которую дальше мы рассмотрим особо как диалектику ..., что мы должны смотреть на нее не как привнесенную извне в определения мысли, а как им самим присущую» [10].

Литература

1. Кант, И. Сочинения И. Кант. – Т. 3. – М., 1964. – С. 153–158.
2. Там же.
3. Там же. – С. 166.
4. Там же. – С. 166–167.
5. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Т. 3. – С. 1.
6. Кант, И. Сочинения / И. Кант. – Т. 3. – С. 303.
7. Гегель. Сочинения / Гегель. – Т. 1. – М.; Л., 1929. – С. 97.
8. Там же.
9. Там же. – С. 85.
10. Там же.